

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Выпуск 17

Архивное ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН

2018
ISSN 2587-9502

Редколлегия выпуска:
д.и.н., профессор В.В. Беляков,
к.и.н., профессор Д.Д. Васильев,
к.и.н. О.М. Курникова,
к.и.н. Н.Г. Романова,
к.и.н. Д.М. Тимохин,
к.и.н. Н.К. Чарыева

Труды Института востоковедения РАН, Вып. 17: Архивное востоковедение (Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН) / Редкол.: В.В. Беляков, Д.Д. Васильев, О.М. Курникова, Н.Г. Романова, Д.М. Тимохин, Н.К. Чарыева. — М.: ИВ РАН, 2018. — 252 с.

ISSN 2587-9502

ISBN 978-5-89282-845-1

Очередной выпуск Трудов института востоковедения РАН «Архивное востоковедение» содержит сборник материалов Международного симпозиума к 200-летию ИВ РАН и входит в серию изданий, посвященных 200-летию отечественного востоковедения. Представленные в этом выпуске статьи содержат обширную информацию по различным аспектам востоковедческих исследований, базирующихся на архивном материале. Для отечественного востоковедения работа с первоисточниками, их поиск, перевод и публикация всегда были одной из приоритетных задач, в связи чем работа именно с архивным материалом была и остается одной из важнейших компетенций, отличающих специалиста высокого уровня. Начиная с времени формирования отечественного востоковедения, в трудах его классиков, и вплоть до наших дней архивные источники являют собой важнейший материал для решения исследовательских задач. В связи с этим в год юбилейных торжеств по случаю 200-летнего юбилея отечественного востоковедения уместным было обратить внимание на архивные изыскания, достижения в этой области и новые методики работы с источниками. Материалы выпуска Трудов института востоковедения РАН «Архивное востоковедение» могут представлять интерес, как специалистов в области востоковедения, так и для историков-архивистов, работающих в иных областях исторической науки.

© Институт востоковедения РАН, 2018

**СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: ПЕРЕПИСКА А.Е. КРЫМСКОГО
С ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ВОСТОКОВЕДАМИ (В.Р. РОЗЕН,
В.В. БАРТОЛЬД, В.Ф. МИНОРСКИЙ)¹**

Валеев Р.М.

*Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Казань*

Валеева Р.З.

*Казанский инновационный университет (ИЭУП),
Казань*

Василюк О.Д.

*Институт востоковедения имени А.Е. Крымского
Национальной академии наук Украины, Украина*

Дьяков Н.Н.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

¹ Исследование проведено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-09-00331 «Эпистолярное наследие российских востоковедов на рубеже веков: переписка А.Е. Крымского, В.Р. Розена, Ф.Е. Корша, В.А. Жуковского, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, Н.А. Медникова, П.К. Коковцова, В.Ф. Минорского (1890–1930-е гг.)».

Кириллина С.А.

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова», Москва*

Мартынов Д.Е.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань*

Мейер М.С.

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», Москва*

Хайрутдинов Д.Р.

*Казанский инновационный университет (ИЭУП),
Казань*

Период второй половины XVIII — начала XX столетия ознаменовался драматическим, но при этом успешным развитием российской науки о Востоке. Когорта выдающихся отечественных ученых-востоковедов, представителей многих народов России, обеспечила мировой уровень комплексных филологических, исторических, археологических, этнографических исследований в академических и университетских центрах Отечества. Важную роль в генезисе российского востоковедения сыграли Петербургская академия наук, университеты, научные общества и различные официальные органы власти России.

Исследования отечественных ориенталистов имели широкий региональный, хронологический и проблемный диапазон. Во многом истоки современного отечественного и международного авторитета российской школы и центров востоковедения были связаны с исследованиями классического и современного циклов. Отечественное востоковедение

и востоковедная мысль объективно способствовали осознанию величия истории и культуры народов полиэтничной и поликонфессиональной России, осмыслению значимости взаимодействия европейских и азиатских исторических и идейных символов, географического и историко-культурного взаимодействия и постижению сути все еще не раскрытого феномена моста между Востоком и Западом¹ и того, что, как писал выдающийся российский философ Николай Бердяев, «Россия должна сознавать себя ... Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем»².

Университеты Российской империи в XIX — начале XX столетия, претворяя в жизнь свою социально-политическую, научную и культурную миссию, играли важную роль в реализации классической модели «идеала университета» и «университетской идеи»³. Востоковедение как новое гуманитарное и научно-просветительское направление российского университетского сообщества Нового времени следовало лучшим образцам классического европейского университетского образования в деле «возвышения и распространения науки», «приращения научного знания», развития интеллекта и личности студента. Университетские уставы 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. развивали институциональные основы моделей классического и прикладного востоковедения высшей школы России. Тенденция усиления специализации университетского востоковедения и его органичной интеграции с Академией наук на протяжении XIX в. была связана как с требованиями «чистой науки» о Востоке, так и с необходимостью подготовки кадров для государственной службы и реализацией внутренней и внешней политики империи.

Востоковедение в России в XIX — начале XX столетия было неразрывно связано с геополитическим, общественным и культурным развитием империи. Официальный курс общеимперской самодержавной политики по отношению к «инославному», «иноверным» подданным, «языческий», «исламский» и «буддийский» факторы и другие политические и духовные

явления находили отражение на различных этапах истории востоковедения. При этом особо подчеркнем, что данная образовательная, исследовательская и социокультурная традиция изучения Востока сыграла важную роль в ослаблении традиционного европоцентристского стереотипа восприятия Востока и сглаживании представлений об «азиатском варварстве и фанатизме», «деструктивном мусульманском факторе», «панисламизме», «пантуризме», «татаризации» и т. п.⁴

В процессе формирования институциональной модели образования и науки о Востоке российское университетское востоковедение вступало в противоречие с имперской властью. В этом отношении показательны «дело профессоров» 1821 г. и реакция ряда авторитетных наставников на расправу с «неблагонадежными профессорами» Петербургского университета. По свидетельству патриарха российской арабистики И.Ю. Крачковского, приглашенные в Петербургский университет известные французские профессора «Шармуа и Деманж⁵, как люди чести, устранились от участия в грязной провокации и отказались от должности», в результате с осени 1821 г. «преподавание восточных языков шло с большими перерывами, а 25 июля 1822 г. оба профессора вообще покинули университет»⁶.

Оценивая деятельность первого декана восточного факультета Санкт-Петербургского университета Мирзы (Александра Касимовича) Казем-Бека (1855–1859 гг.), И.Ю. Крачковский подчеркивал, что «пятилетний период деканства был, в сущности, борьбой между практическим и научным уклоном в работе молодого Факультета, где Казем-бек поддерживал первое направление»⁷.

На рубеже XIX–XX вв. в идеологии и практике самодержавной политики «в области государственно-культурной и просветительской деятельности» особое внимание обращалось на «усиление существующих научных средств изучения русского мусульманского Востока соответственным расширением ... факультетов С.-Петербургского и Казанского универ-

ситетов». Одним из конкретных перспективных мероприятий было признано образование в Казани, «как одном из центров мусульманства, восточного отделения при филологическом факультете университета для изучения восточных языков, истории и быта восточных народов, населяющих как Россию, так и прилегающие к ней государства, исповедующих ислам»⁸.

Особое место в истории российского и зарубежного востоковедения, в истории и культуре народов современной России, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Украины и др. занимают ключевые центры востоковедения в Петербурге, Москве и Казани — Азиатский музей, Санкт-Петербургский, Московский и Казанский университеты, Лазаревский институт восточных языков, Восточная комиссия Московского археологического общества, Восточное отделение Русского археологического общества и другие учебно-научные центры с их богатыми исследовательскими и гуманистическими традициями в изучении арабо-мусульманского мира и значимым наследием выдающихся ученых и практиков.

Исключительную роль в формировании облика отечественного востоковедения сыграли такие корифеи науки о Востоке в целом и арабо-мусульманских штудий в частности, как Х.Д. Френ (1782–1851), А.К. Казем-Бек (1802–1870), В.Р. Розен (1849–1908), Ф.Е. Корш (1843–1915), В.А. Жуковский (1858–1918), В.В. Бартольд (1869–1930), И.Ю. Крачковский (1883–1951), Н.А. Медников (1855–1918), П.К. Коковцов (1861–1942), В.Ф. Минорский (1877–1966), Б.В. Миллер (1877–1956). Это лишь некоторые имена исследователей и наставников, внесших весомый вклад в отечественную ориенталистику и востоковедное образование XIX–XX вв.

В ряду основоположников академического и университетского востоковедения в области арабистики, семитологии, тюркологии, иранистики и славистики важное место принадлежит А.Е. Крымскому (1871–1942), ученому и просветителю крымско-татарского, польского и белорусского происхождения. В 1892 г. А.Е. Крымский окончил Лазаревский институт вос-

точных языков, в 1896 г. — Московский университет. С 1898 по 1918 г. он работал профессором Лазаревского института восточных языков. С 1892 г. — член Московского археологического общества (МАО), в 1918–1942 гг. — секретарь Восточной комиссии МАО и академик Национальной Академии наук Украины. В 1896–1898 гг. А.Е. Крымский находился в научной командировке в Бейруте, где собрал уникальные материалы по истории и культуре Сирии и Ливана. А.Е. Крымский известен как автор классических работ в области арабистики, семитологии, тюркологии, османистики, иранистики, истории, языкознания, литературы, религии, фольклора и этнографии народов мира ислама. Его имя тесно связано с формированием отечественной ориенталистики на рубеже эпох. А.Е. Крымский сыграл особую роль в формировании Украинской Академии наук, будучи ее неперменным секретарем в 1918–1928 гг., он является одним из основоположников национальной школы востоковедения. Он также получил признание как выдающийся украинский писатель и один из создателей новой украинской литературы, был тесно связан с известными деятелями культуры Украины — И. Франко, Л. Украинкой, М. Коцюбинским, В. Гринченко и др.

А.Е. Крымский стал одним из крупнейших представителей московской школы востоковедения, активно сотрудничал с петербургской школой ориенталистики и оказал существенное влияние на развитие востоковедения в других российских учебных и академических центрах. Его отчасти опубликованная и еще полностью не введенная в научный оборот переписка с российскими востоковедами является бесценным источником информации по истории отечественного востоковедения конца XIX в. — начала XX в.

Биография и наследие А.Е. Крымского нашли достойное отражение в российской, украинской и, отчасти, в зарубежной историографии⁹. Вместе с тем перспективным остается дальнейшее изучение его богатого научного творчества.

Востоковед-ближневосточник и славист, обладавший энциклопедическими знаниями ученый и активный общественный деятель, он оставил значимый след в истории российской и мировой арабистики, иранистики и тюркологии. Язык и литература, история и культура и в целом наследие арабо-мусульманской цивилизации — основополагающие направления преподавательской и исследовательской работы А.Е. Крымского. И.М. Смилянская, выделяя роль и значение ученого в истории отечественной гуманитарной науки на рубеже XIX–XX вв., писала: «А.Е. Крымский поражает разнообразием своих научных интересов, исследовательских и общекультурных. Являясь по преимуществу филологом, он был специалистом в области украинистики (и шире славистики), арабистом, семитологом, иранистом и тюркологом»¹⁰.

А.Е. Крымского с полным правом можно назвать одним из последних «могикан» классической мировой ориенталистики рубежа XIX–XX вв. Кроме того, он является основоположником советской школы востоковедения, в особенности арабистики, иранистики и тюркологии. В одном из своих писем академику И.Ю. Крачковскому (8 декабря 1937 г.), сравнивая сессии арабистов 1935 и 1937 гг., он писал: «Тогда — был один сплошной (выделено А.Е. Крымским — *Авт.*) праздник арабистики, задуховенно сопровождаемый и Вашим юбилеем. Теперь ... — конечно, и теперь сохранилось отрадное впечатление, что, несмотря на все препоны, поставляемые арабистике в течение 20 лет, она все же не умерла, а напротив, кое в чем даже процвела. Смотр научных сил оказался внушительный»¹¹.

Жизненный и творческий путь А.Е. Крымского подразделяется на три основных периода — московский (1889–1918 гг.), бейрутский (сирийско-ливанский) (1896–1898 гг.) и киевский (1918–1941 гг.), и именно с ними связана его востоковедческая переписка с учеными Москвы и Петербурга. Эмоциональные и содержательные письма А.Е. Крымского представляют несомненный интерес для осмысления научных

поисков, достижений и в целом духовных исканий российских ориенталистов. По сути, мы имеем дело с уникальным материалом, который позволяет пролить свет на социальные и психологические факторы, влиявшие на жизнь и творческий поиск ученых.

А.Е. Крымский состоял в переписке с такими выдающимися представителями отечественного востоковедения, как В.Р. Розен, В.В. Бартольд, П.К. Коковцов, В.Ф. Миллер, Ф.Е. Корш, И.Ю. Крачковский, В.А. Гордлевский, В.Ф. Минорский, Б.В. Миллер и др. Определяя значимость эпистолярного наследия А.Е. Крымского на примере его переписки с И.Ю. Крачковским в 1923–1940 гг., И.М. Смилянская делает акцент на том, что их письма являются «бесценным источником для изучения духовного опыта, логики творческого процесса, научных принципов, атмосферы научной и общественной жизни востоковедов в первые советские десятилетия»¹². Действительно, письма А.Е. Крымского передают дух той эпохи, и одновременно отражают характерные черты личности их автора. Выдающийся украинский писатель Иван Франко отмечал: «Он старается быть как можно объективнее, правдивее, не утерять ни крупицы той правды, которую постиг душой, и переливает ее на бумагу со всеми, иной раз совершенно случайными, аксессуарами, к каким, разумеется, в первую голову принадлежат личные настроения и чувства»¹³.

На сегодняшний день наиболее полноценными публикациями, посвященными эпистолярному наследию А.Е. Крымского, являются работы, изданные в 1970–2000-е гг.¹⁴ Что касается локализации писем А.Е. Крымского отечественным востоковедам, которые охватывают период с 1890 по 1930 г., отметим, что они рассредоточены по различным хранилищам: письма находятся в личных фондах академиков-востоковедов в Архиве РАН в Москве, Санкт-Петербургском Филиале Архива Российской академии наук (СПб АРАН), Архиве востоковедов Института востоковедения РАН, Российском государ-

ственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и других культурных центрах.

Не меньший научный интерес представляют адресованные А.Е. Крымскому ответные письма российских востоковедов, которые хранятся в фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУВ) в Киеве. В частности, до нас дошли, помимо прочих, 4 письма П.К. Коковцова (1901–1909 гг.) и 13 писем Ф.Е. Корша (1897–1914 гг.). Также в фондах этой библиотеки находятся адресованные А.Е. Крымскому письма других известных ученых — 35 писем В.Ф. Минорского, 5 — С.Ф. Ольденбурга, 5 — В.П. Бузескула, 3 — А.А. Шахматова, 20 — Т.Г. Кезмы, 17 — М.О. Аттаи, 37 — П.Н. Лозеева и др.

Обратимся к обзору корреспонденций А.Е. Крымского В.Р. Розену, В.В. Бартольд и В.Ф. Минорскому, которые сыграли важную роль в его творческой биографии.

В фондах Санкт-Петербургского Филиала архива РАН хранятся 15 писем-автографов А.Е. Крымского, адресованных В.Р. Розену, а в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского — 3 ответных письма В.Р. Розена. Инициатором переписки выступил А.Е. Крымский, в то время молодой перспективный ученый. Она охватывает период 1898–1907 гг., насыщенный существенными переменами в жизни двух ведущих центров востоковедения имперской России — московского Лазаревского института восточных языков и восточного факультета Санкт-Петербургского университета. В этот период А.Е. Крымский (после возвращения из командировки на Ближний Восток) жил и работал в Москве. Академик В.Р. Розен в 1872–1908 гг. преподавал арабский язык на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Барон В.Р. Розен относится к числу основоположников российской школы ориенталистики. В 1929 г. И.Ю. Крачковский, описывая «русские письма» востоковедов академику В.Р. Розену, находящиеся в Азиатском музее АН СССР, отмечал:

«Здесь блестяще представлена славная плеяда тех учеников В.Р. Розена, с именами, которых тесно связана вся история русского востоковедения, начиная с 80-х гг.»¹⁵. Учебно-научная деятельность В.Р. Розена получила высокую оценку в отечественной историографии. «Успешное развитие русского востоковедения ..., — читаем в коллективной монографии, посвященной истории отечественного востоковедения, — подготовленное всей историей изучения Востока в России, закономерно связывается с именем выдающегося ученого, педагога и организатора академика В.Р. Розена, воспитанника ФВЯ и его декана с 1893 по 1902 г.»¹⁶. А.Е. Крымский также оценил по достоинству заслуги своего маститого собрата. В посвященной В.Р. Розену статье, написанной для «Энциклопедического словаря Гранат», он писал: «В истории развития русского востоковедения 2-й полов. XIX в. Р[озену], как организатору и учителю молодых (впоследствии крупных) ученых, принадлежит значительная роль»¹⁷. «В Зап. Европе, — продолжал А.Е. Крымский, — он особенно известен участием в издании старейшего арабского историч. свода Табария¹⁸ (серии III. Т. 3, Лейд. 1883–1884), эрудитным описанием на франц. яз. богатого собрания арабских и персидских рукописей мин. иностр. дел (1877–1891) и тесным научным общением со всеми выдающимися представителями европ. востоковедения»¹⁹.

Первое письмо академику В.Р. Розену А.Е. Крымский написал 4 октября 1898 г., последнее — 3 января 1906 г. Они были отправлены из Москвы, родного города Звенигородки и Ставрополя. Три сохранившихся письма В.Р. Розена А.Е. Крымскому были написаны в 1903, 1904 и 1907 гг. Переписка прекратилась со смертью В.Р. Розена 10 (23) января 1908 г.

В октябре 1898 г., во втором письме В.Р. Розену, А.Е. Крымский писал: «Кроме программы мое внимание было остановлено несколькими Вашими словами о моей работе «Очерк развития суфизма»²⁰, которые еще раз заставили меня глубоко пожалеть о том, что мне не пришлось поучиться под

Вашим руководством. Ваши слова — первая критика, которую я услышал: в течение девяти лет, которые я занимаюсь Востоком, я ни от кого из наших востоковедов никогда не мог найти никакой помощи, кроме филологической, и все (т. е. и методы, и источники, и пособия) должен был открывать самостоятельно»²¹. В.Р. Розен не был непосредственным наставником А.Е. Крымского, но его младший коллега многое у него перенимал, тем самым пополнив когорту учеников и последователей В.Р. Розена, которые, по оценке И.Ю. Крачковского, «могли продолжить и расширить его работу не только в научной области, но и в сфере организации и руководства в широком масштабе»²². Свои научно-организаторские навыки А.Е. Крымский применил на посту неперменного секретаря Украинской академии наук (1918–1928 гг.).

В 1899 г. А.Е. Крымский в письме, адресованном В.Ф. Миллеру²³, сообщая о своей работе над диссертацией, писал: «Чувствую себя при этой работе прекрасно, а симпатичные письма бар[она] Розена содействуют бодрости духа. Я не перестаю сознавать, что в научном отношении для меня было в высшей степени полезно знакомство с петербургскими ориенталистами вообще, а с бар[оном] Розеном в особенности»²⁴.

В дальнейшем А.Е. Крымский неоднократно возвращался к оценке личности и наследия В.Р. Розена. Наиболее рельефное отражение это получило в его письмах академику И.Ю. Крачковскому, написанных в киевский период его жизни. В письме от 1934 г., написанном А.Е. Крымским в связи с кончиной академика Н.Я. Марра²⁵, читаем: «И ... уже не стало многих представителей русского востоковедения. Гибнет оно. Теперь — умер Марр. Скоро не останется ни одного из той славной группы учеников бар. Розена»²⁶.

В 1935 г., после ознакомления с некрологом на смерть В.В. Бартольда, написанным И.Ю. Крачковским, сравнивая В.В. Бартольда с В.Р. Розеном, А.Е. Крымский писал: «Характеризован у Вас Бартольд очень рельефно, причем некролог не обращен в панегирик. ... Одной лишь черты Вы не улови-

ли или, быть может, постеснялись уловить. У Бартольда совсем не было того свойства, которое присуще было незабвенному бар. Розену ... умение любовно обращаться с учениками, создавать учеников-товарищей, формировать, так сказать, «научную семью»²⁷.

Не менее значима для истории отечественного востоковедения переписка А.Е. Крымского и В.В. Бартольда, которую они вели на протяжении многих лет, и которая отражала их личное восприятие событий профессиональной и общественной жизни, благодаря чему мы можем уяснить их скрытую подоплеку.

А.Е. Крымский и В.В. Бартольд были людьми одного поколения, оба исповедовали сходные общественные и научные идеалы, но выросли в разных социокультурных условиях. Оба получили блестящее образование и стали звездами российской ориенталистики. Оба были востоковедами широкого профиля, признанными специалистами в области арабо-мусульманской цивилизации. Оба были избраны академиками (В.В. Бартольд в 1913 г. в РАН, А.Е. Крымский, как ранее указывалось, в 1918 г. в УАН).

В фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского хранится 9 писем В.В. Бартольда, адресованных А.Е. Крымскому, а в фондах Санкт-Петербургского архива РАН — 7 ответных писем А.Е. Крымского. Они охватывают временной промежуток с 1908 по 1928 г., подразделяясь на два периода — дореволюционный и советский.

Переписка открывается письмом В.В. Бартольда от 12 декабря 1908 г.²⁸, в котором ученый делится своими впечатлениями после прочтения полученного от А.Е. Крымского экземпляра нового издания его работы «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии»²⁹.

В следующем письме В.В. Бартольда, от 11 февраля 1909 г., не только содержится продолжение обсуждения «Истории Персии», но и затрагивается более широкая тема, связанная

с состоянием отечественной востоковедной науки и образования в начале XX в. «Что касается Ваших книг, — пишет В.В. Бартольд, — то я объясняю многие из их недостатков, помимо тех условий, в которых Вам приходится работать, и других причин, еще состоянием нашей науки. Я вполне признаю, что в этом отношении существует своего рода *circulus vitiosus* (порочный круг. — *Авт.*): для сколько-нибудь отчетливого представления [о] деталях необходимы, особенно для студентов, общие курсы политической истории, между тем, пока не исследованы детали, невозможно сколько-нибудь ясное представление о целом и внесение причинной связи событий ... Вы пишете, что вследствие излагаемых Вами причин Ваши работы «будут появляться лишь в минимально сносном виде», а не в том, в каком бы Вы хотели их видеть. Мне кажется, что не только Вы, но и никто другой не в состоянии написать теперь в два-три года (Ваши книги, если не ошибаюсь, пишутся гораздо быстрее) сколько-нибудь сносную книгу под заглавием: «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии». Для этого требуется труд целой жизни; о более высоких ступенях совершенства не приходится и мечтать»³⁰.

В дальнейшем, в небольшом письме от 12 октября 1913 г., А.Е. Крымский сердечно поздравил В.В. Бартольда с его избранием академиком РАН: «Сегодня прочитал в газете о Вашем избрании в Академию — и от души Вас поздравляю, или вернее — поздравляю Академию с приобретением такой крупной научной силы». И далее делает приписку: «Пользуясь случаем напомнить Вам, Вы прежде имели по отношению ко мне очень приятную для меня привычку — присылать оттиски всех работ. В последнее время я от Вас ничего не получал ... Буду благодарен, если Вы меня вновь поместите в список тех, кому рассылаете оттиски и труды»³¹.

Особенно информативной и актуальной для нашего времени является дошедшая до нас корреспонденция, датируемая 1922 г. Это два письма В.В. Бартольда — от 6 августа и 1 сентября и письмо А.Е. Крымского от 19 августа, значительные

по объему и охватывающие многие актуальные научные и общественные вопросы.

Прежде всего, в этом блоке мы находим много примечательных сведений о перипетиях в востоковедной науке послереволюционной поры. Так, В.В. Бартольд информирует А.Е. Крымского о кончине ряда коллег: «Об условиях нашей здешней жизни Вы, вероятно, осведомлены, знаете и о наших последних потерях: смерти молодого арабиста И.П. Кузьмина, в котором мы надеялись получить первого русского специалиста по арабской философии, и почти одновременной смерти тюрколога и османиста В.Д. Смирнова (1846–1922) и его молодого ученика П.А. Фалева (1888–1922). На некоторое время — надеюсь, ненадолго — против своей воли пришлось выбыть из нашей среды И.Ю. Крачковскому»³². Потрясенный А.Е. Крымский пишет в ответ: «Я с жадностью прочитал Ваши сообщения о жизни петербургских ориенталистов. Смерть Кузьмина, Фалева, Смирнова — все это для меня новость, грустная, жгуче скорбная новость. Жив ли Коковцев? Мне известно было лишь, что скончались Жуковский, Залеман, Тураев, Медников. Нет ли еще жертв смерти? Ужас охватывает при виде этого синодика»³³. Получив письмо В.В. Бартольда, А.Е. Крымский не сразу осознал, что случилось с И.Ю. Крачковским. Он спрашивает В.В. Бартольда: «Вы пишете: «Пришлось выбыть из нашей среды, против своей воли, И.Ю. Крачковскому». Что это значит? Где же он?», и в конце письма снова добавляет: «Хотел бы переслать через Вас привет Крачковскому, но из Вашего письма выходит, что его нет в Петербурге. Повторяю свою просьбу, сообщите мне, что случилось с ним»³⁴. Пояснения В.В. Бартольда последовали в следующем письме: «Я думал, что Вы поймете «описательное» выражение о Крачковском; теперь Вам и из наших газет, если они доходят до Вас, известно о многочисленных арестах среди ученых; Кр[ачковский] оказался в числе их, хотя, насколько нам известно, всегда был очень далек от политики.

До сих пор он не освобожден; в чем его обвиняют и что с ним намерены делать, пока достоверно не известно»³⁵.

Не менее значима для истории отечественной востоковедной науки переписка А.Е. Крымского с видным иранистом и тюркологом В.Ф. Минорским, который был его учеником в Лазаревском институте восточных языков. До учебы в Лазаревском институте восточных языков, который он окончил в 1903 г., В.Ф. Минорский прошел курс обучения на юридическом факультете Московского университета (окончил в 1900 г.). С 1904 г. он трудился на дипломатическом поприще на Ближнем Востоке. Карьеру дипломата В.Ф. Минорский начал в Иране (1904–1907 гг.), с 1911 г. работал в составе смешанной англо-русско-турецко-персидской комиссии по демаркации турецко-иранской границы, а в 1916 г. был назначен советником российского посольства в Тегеране. После 1917 г. В.Ф. Минорский жил и работал за границей. В 1919 г. он переехал из Ирана во Францию, где с 1923 г. читал курсы лекций по персидской литературе в Национальной школе живых восточных языков в Париже, позднее — по истории ислама и Турции в различных учебных центрах Франции. В 1932 г., переехав в Англию, В.Ф. Минорский начал преподавать фарси и читать лекции по литературе и истории Ирана в Школе восточных исследований Лондонского университета³⁶. Он известен как автор работ по истории, языку, литературе, духовной культуре и географии народов Ближнего и Среднего Востока, пользовавшихся широкой известностью в академических кругах. По выходе на пенсию в 1944 г. В.Ф. Минорский избрал местом постоянного жительства Кембридж, который покидал для чтения лекций (в 1948–1949 гг. читал курсы лекций в Каирском университете). Его заслуги перед наукой получили мировое признание. В.Ф. Минорский был действительным членом Британской и Французской академий наук, почетным членом и членом-корреспондентом ряда европейских научных обществ, доктором Брюссельского и Кембриджского университетов, профессором Лондонского

университета, в 1962 г. был награжден золотой медалью британского Королевского Азиатского общества. В год кончины В.Ф. Минорский принял участие в XXV конгрессе востоковедов в Москве³⁷.

А.Е. Крымский всегда живо интересовался судьбой и научными изысканиями своего выдающегося ученика и наладил с ним переписку после переезда в 1918 г. в Киев. В личном фонде В.Ф. Минорского в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге находятся послания А.Е. Крымского В.Ф. Минорскому, всего 8 писем и 1 открытка³⁸. Эпистолярный В.Ф. Минорского к А.Е. Крымскому хранится в киевском Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского³⁹. Он включает 23 послания, написанных в период с 4 января 1904 г. до 21 апреля 1911 г. и отправленных из Москвы, Санкт-Петербурга, Тегерана, Тебриза и Баку.

Являясь оригинальными автографами А.Е. Крымского и В.Ф. Минорского, эти письма включают содержательные характеристики арабистических, иранистических и тюркологических исследований в России в первой четверти XX в., в них отражены исследовательские позиции, политические взгляды двух неординарных мыслителей и их эмоционально-психологический настрой.

Переписка этих маститых ученых, до настоящего времени не введенная в научный оборот, является объектом исследования в рамках проекта, цель которого — изучение, систематизация и подготовка к публикации неизвестного эпистолярного наследия отечественных востоковедов, творивших на рубеже XIX–XX столетий, и конкретно исследовательская работа с перепиской А.Е. Крымского с В.Р. Розеном, Ф.Е. Коршем, В.А. Жуковским, С.Ф. Ольденбургом, В.В. Бартольд, Н.А. Медниковым, П.К. Коковцовым и В.Ф. Минорским.

В целом «востоковедная составляющая» эпистолярного наследия А.Е. Крымского представляет несомненный интерес для современников по следующим причинам. Его письма и

ответные письма ученых — автографы крупнейших российских востоковедов конца XIX в. — начала XX в. Эта переписка содержит материалы, дающие представление об их научной и общественной позиции, и позволяет оценить масштаб их личностей. И наконец, в них мы находим уникальные оценки того непростого времени, а также состояния российского востоковедения в целом, и арабистики, иранистики, тюркологии в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ И СНОСКИ

1. Соловьев В. Русская идея. М., 1911. С. 15.
2. Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 28.
3. Андреева Ю. «Идея университета» в России (XVIII — начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы. XVIII — начало XX в. М., 2009; История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 2. СПб., 2005 и др.
4. В официальном документе от 15 января 1911 г. Министерства внутренних дел «О мерах для противодействия панисламскому и пантурскому (пантюрскому влиянию) среди мусульманского населения» отмечалось: «В последние десятилетия во всем мусульманском мире обнаруживается чрезвычайный подъем как религиозного, так и национально-культурного самосознания. Не оставшись чуждым и России, это движение проявилось среди населяющих ее разноплеменных и разноязычных народностей, исповедующих ислам, в явном стремлении их к тесному сплочению между собою на почве искусственно создаваемой татаризации, к обособлению от общегосударственных государственных задач и к духовному сближению с единоверными государствами, главным образом с Турцией» (См.: Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. Предисловие, примечания и комментарий Д.Ю. Арапова // Восток. 2003. № 2. С. 126).
5. Ученики Сильвестра де Саси — Жан Франсуа (Иван Францевич) Деманж (1789–1839) и Франсуа Бернар (Франц Францевич) Шармуа (1793–1868) возглавляли кафедры в Петербургском университете.

6. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 145–146.
7. *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. V. М.-Л., 1958. С. 89.
8. Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу»... С. 132, 134.
9. См., например: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973; *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. Л., 1925; *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1973; *Его же.* Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX в.). М., 1968; *Его же.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965; *Долинина А.А.* Невольник долга. СПб., 1994; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997; *Кононов А.Н.* Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974; *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики; *Гурницкий К.И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980.
10. *Смилянская И.М.* Очерк востоковедной деятельности А.Е. Крымского // *Крымский А.Е.* Письма из Ливана (1896–1898). М., 1975. С. 303.
11. Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского 1920–1930-х годов. Публ. И.М. Смилянской // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997. С. 277.
12. Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского... С. 7.
13. *Франко И.* Рец. на кн.: Крымский А. Пальмовые ветви // *Франко И.* Сочинения. Т. IX. М., 1959. С. 342.
14. *Кримський А.Ю.* Твори в п'яти томах. Т. 5, кн. 1. Листи (1890–1917); кн. 2. Листи з Сірії та Лівану (1896–1898). Київ, 1973; *Крымский А.Е.* Письма из Ливана.; *Кузнецова Н.А.* Востоковеды-лазаревцы на рубеже двух веков по их письмам // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М., 1984. С. 122–144; Письма А.Е. Крымского И.Ю. Крачковскому. публ. и прим. А.Г. Недвецкого и И.М. Смилянской // Восток. 1993. № 1. С. 150–169; Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского...

- С. 155–368; Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. 1 (1890–1941 pp.); Т. 2 (1918–1941 pp.). Київ, 2005 и др.
15. См.: Доклады АН СССР. 1929. № 12. С. 231.
 16. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. С. 16. См. также публикации, посвященные наследию и памяти академика В.Р. Розена: Ал-Музаффарийя. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872–1897. СПб., 1897; *Веселовский Н.* 30 лет ученой деятельности барона В.Р. Розена // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344. С. 157–161; Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В.Р. Розена // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1909. Т. XVIII. С. 1–48; Памяти академика В.Р. Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908–1948) / под ред. И.Ю. Крачковского. М.-Л., 1947.
 17. Энциклопедический словарь Товарищества бр. А. и И. Гранат: в 57 т. Т. 36, ч. III: Род — Россия. М., 1916. С. 129.
 18. Ибн Джарир ат-Табари (839–923), известный как «отец мусульманской историографии», автор монументального труда «Тарих ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и царей»).
 19. Энциклопедический словарь. С. 128.
 20. *Крымский А.Е.* Очерк развития суфизма до конца III века Гижры. М., 1895.
 21. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб АРАН). Ф. 777. Оп. 2. Д. 228 [Письма А.Е. Крымского — В.Р. Розену]. л. 3–4.
 22. Памяти академика В.Р. Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти... С. 7.
 23. Всеволод Федорович Миллер (1848–1913) — российский фольклорист, этнограф, языковед и археолог. Известен как один из организаторов востоковедческого образования в России.
 24. *Кримський А.Ю.* Твори в п`яти томах. Т. 5. Кн. 1... С. 337.
 25. Николай Яковлевич Марр (1864–1934) — известный российский востоковед, кавказовед, этнограф и археолог.
 26. Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского... С. 212–213.
 27. Там же. С. 219–220.

28. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (далее — ИР НБУВ). Ф. I., Д. 22664. л. 1–1 об.
29. Первое издание: *Крымский А.Е.* История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. Т. 1. Вып. I. М., 1901.
30. ИР НБУВ. Ф. I. Д. 22665. л. 1–1 об.
31. СПб АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128. л. 2.
32. ИР НБУВ. Ф. I. Д. 22666. л. 2–2 об.
33. СПб АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128. л. 9.
34. СПб АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128. л. 9–10.
35. ИР НБУВ, ф. I, д. 22667. Л. 3. В июле 1922 г. ГПУ арестовало И.Ю. Крачковского, ему было предъявлено вымышленное обвинение в шпионаже в пользу Финляндии. Он был освобожден в январе 1922 г. только в результате ходатайств Академии наук и коллег.
36. School of Oriental and African Studies, University of London.
37. В.Ф. Минорский похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.
38. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Ф. 134. Оп. 3. Д. 640. Фонд В.Ф. Минорского. Эти документы занимают 22 листа и представляют собой автографы и машинописные материалы. Послания А.Е. Крымского В.Ф. Минорскому были отправлены из Москвы, Трапезунда, Звенигородки и Харькова и датируются 4 июня 1910 г. (л. 6–7 об.), 10 октября 1916 г. (л. 8–11), 13 августа 1917 г. (л. 1–2 об.), 20 октября 1917 г. (л. 3–4, открытка), 21 октября 1917 г. (л. 5), 20 января 1925 г. (л. 12–14 об.), дата получения от 4 апреля 1925 г. (л. 15–16), 22 августа 1925 г. (л. 17–18 об.) и 23 октября 1925 г. (л. 19–21 об.).
39. ИР НБУВ. Ф. 36. Д. 377–399 [Письма В.Ф. Минорского — А.Е. Крымскому].